

Рина Марка

Размышления над
пропастью

Рина Марка

Размышления над пропастью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40489393

ISBN 9785449621252

Аннотация

Мои рассказы – проба пера, это короткие повествования, дабы не утомлять искушенного или непритязательного читателя. Сразу оговорюсь, если кто-то ищет любовных отношений, интриг, эротики – в моих рассказах этого не найдёте. Любителям приключений, поиска истины, философских рассуждений, религиозных изысканий – мои рассказы, с элементами мистики, фантастики. Имеют место и реальные события, у таких персонажей есть реальные прототипы.

Содержание

Точка не возврата	5
Сонмой	14
1	14
2	20
ПРИВЕТ С ПОРТРЕТА	25
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Размышления над пропастью

Рина Марка

Мои рассказы- проба пера, это короткие повествования, дабы не утомлять искушенного или не притязательного читателя. Сразу оговорюсь, если кто то ищет любовных отношений, интриг, эротики- в моих рассказах этого не найдёте. Любителям приключений, поиска истины, философских рассуждений, религиозных изысканий- мои рассказы, с элементами мистики, фантастики. Имеют место и реальные события, у таких персонажей есть реальные прототипы. На ваш суд представляю свою книгу, от вашего мнения зависит дальнейшее моё творчество. Писать или не писать? Решать вам!

© Рина Марка, 2019

ISBN 978-5-4496-2125-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Точка не возврата

Раннее летнее утро. Конец августа. Ночи немного прохладнее и короче. Хорошее время года, чувствуется дыхание осени. Я выбрала это время для поездки. Чемоданы собраны, шкатулка стоит на видном месте. Присела, на дорожку,, последний раз оглядела комнату. Пора.

Эта поездка была запланирована давно, я долго к ней готовилась, и вот я в самолёте лечу в Турцию на Черноморское побережье. Мой выбор был не случаен. И дело даже не в цене. У меня были свои критерии оценки: климат более прохладный, горы, лес, море- все в одном флакона, все как я люблю. Была ещё причина.

Перелет, аэропорт, отель 3 звезды. Довольно приличный номер на двоих. Во общем меня все устроило. Соседкой по номеру оказалась молодящаяся брюнетка не определённого возраста, с пышной грудью, узким тазом и выпирающим животиком, и как полагается такому типу – обтягивающее короткое платье с блестками и стразами, во общем все то, что по её мнению подчёркивает её достоинства. Внешность у неё азиатская: широкие скулы, приплюснутый нос, за боевой раскраской (она всегда была в макияже, даже ночью) глаз её я не рассмотрела. Как правило, такие типы всегда в поиске, они демонстративны, яркие и шумные привлекают к себе внимание. Кому то нравится этот об-

раз- сексуальный и раскрепощенный, кто то крутит у виска- она себя в зеркале видела? А кто то вроде меня, не может оторвать глаз, удивляясь её смелости. Как прекрасное, так и ужасное нас привлекает. Мне импонируют люди, которые не комплексуют по поводу своей внешности и любят себя такими, какие есть. Во общем мы с ней подружились. Такие люди легки в общении, не блещут особо умом и не парятся по этому поводу. Я у неё была старшим наставником, хотя подозреваю, что возраста мы были одного. Она не обижалась на мои замечания, да и вряд ли это было возможно, все свои недостатки она возводила в достоинства. Её рассказы о себе любимой раздражали. Почему люди думают, что их жизнь, а в частности их проблемы кого то интересуют, и впечатление такое, что их не особенно тревожит слушаешь ты или нет, главное выговориться. Я давно научилась абстрагироваться, меня этому научили общественные места, особенно больницы, где каждый пытается передать «свою болезнь». Что касается меня, то в лучшем случае запомнят моё имя (мне же рассказать нечего), но мне больше и не надо, откровенничать я не собиралась. Моя тактика с Инессой (так звали соседку) была верной. У меня были сомнения по поводу её имени, но такая яркая женщина имеет право на не менее яркое имя. Мы с ней проводили не много времени, ибо интересы наши не совпадали, она любила публичные, шумные места, выбирала бары и рестораны, даже пляжи выбирала многолюдные. Я была удивлена, что она не выбрала Ан-

талию, там весь наш бомонд тусуется, и круг поиска значительно расширяется. Как я предполагала, Инесса не долго оставалась одна. Турок Миша был молодым альфонсом. Инесса познакомила нас в кафе, Миша пытался понравиться нам обеим, кстати, не плохо говорил на русском, конечно о высоком с ним не поговорить, но расхожие фразы у него выходили не дурно, особенно комплименты. Вечер был великолепный, звучал блюз, лёгкий ветер дул в лицо, я была расслаблена и не прислушивалась к разговору. Жизнь казалась лёгкой и приятной. У меня закрались сомнения, а может не все так плохо? К реальности меня вернули слова Миши, он упоминал моё имя и какого то Ахмеда. Тут до меня дошёл смысл их разговора. О нет! Инесса, ты же знаешь моё отношение к таким вещам, и все равно пытаешься сделать приятное не мне, а Мише. Где же женская солидарность? Я толком и обижаться на неё не могу, она смотрела на меня щенячьими глазами, я махнула рукой – оставьте меня в покое. Они ушли. У меня закрылась тревога, лишь бы не в наш номер, и не на мою постель, хотя это мало вероятно. Боковым зрением ловлю чей то взгляд, повернулась. У стойки стоит молодой красивый турок, наверное Ахмед. Ничего себе красавчик! Может я зря отказалась? Чур меня, чур! Надо уходить, чтобы избежать не нужных объяснений, да и оставаться здесь уже не комфортно. Остаток вечера провела на террасе отеля. В голове было пусто, думать не хотелось, приятное ощущение когда мозги не кипят. Было далеко за полночь

когда вернулась в номер. К моему удивлению в нем никого не оказалось, я, как Маша в трёх медведях осмотрела комнату, вещи, кровать, все было в норме, видимо в номер они не заходили. Легла, пыталась заснуть. Лучше бы вовсе не ложилась, теперь мозги кипели, скорей бы рассвет и к морю.

Утром следующего дня Инесса с Мишей ушли в город, я же пошла на пляж. С утра людей не много, да и не так жарко. Вошла в воду, поплыла. Я плыла все дальше и дальше, время от времени отдыхая на спине, стараясь не оборачиваться назад и не смотреть на удаляющийся берег.

Дельфин! Я увидела дельфина! Глазам своим не поверила! Хороший знак. Он то удалялся от меня, то приближался. Довольно долго я наблюдала его, потом он исчез. Пора! В каком-то фильме говорили, что смерть от утопления самая лёгкая, мне придётся испытать это на себе. Я чувствовала себя Мартином Иденом, человеком, которому пресытила жизнь, полная разочарований и бессмысленности.

Кажется, подготовилась я основательно. В банке мне дали приличный кредит, учитывая хорошую кредитную историю, я даже не рассчитывала на такую сумму. Оформили полис страхования жизни на случай потери трудоспособности или смерти, да плюс страховка в тур агентстве. Сумма должна быть более чем достаточной. Кредитные деньги обналачила, положила в шкатулку. В записке написала близким, что они никому ничего не должны, попросила прощение за все. Попросила уничтожить записку, не паниковать, ждать. Сказа-

ла, что очень их люблю, но ухожу с лёгким сердцем.

Ну вот пожалуй и все. Жизнь прошла быстро и бездарно, осталась старость, болезнь, страх и вечный вопрос: зачем все это? Говорят, что физические страдания очищают душу, но это говорят те, кто не испытал их. Сидеть и ждать смерти как это делают индусы в Варанаси, «наслаждаясь» болью ради очищения – не для меня. Черноморское побережье выбрала ещё и потому, что это как то связывает с домом. Я родилась на берегу Чёрного моря, там прошла вся моя сознательная жизнь и покончить жизнь самоубийством в родных водах казалась мне более приемлемой. Вот я и произнесла это пугающее верующих людей слово – самоубийство. Таких даже церковь не хоронит. Смерть должна выглядеть естественной.

Берег был довольно далеко, видна одна сплошная полоса. Какое то время полежала на спине, я кажется часами могу это делать. Вдруг увидела плавник над водой. Дельфин вернулся? Набрала воздух, нырнула. Эта была акула, черноморские акулы маленькие, и как мне казалось не представляют угрозу. Но акула и в Африке акула, и не такая уж она маленькая. Быть сожранной акулой как то не хотелось. Опять знак-пора! Выпустила воздух, нырнула.

И вот я парю над морем, вижу своё тело, оно раскачивалось на волнах, все таки акула меня сожрала, частично, оставив голову и пол туловища. Тело далеко отнесло от берега, его могут не найти, но это уже мало интересовало меня. Бы-

ли вещи более значительные. Я по новому ощущала себя, если уместно это определение. У меня не было тела, но было нечто большее, лёгкость, прозрачность и чувство необъяснимой радости. Видимо это состояние и есть счастье. Как долго оно будет длиться? Я вдруг поняла, что телесная оболочка- обуза, и человек не нуждается в ней. У меня оставались мысли и память, и это удивляло. Я носилась над морем упиваясь свободой, и время было не властно, видела людей в море и вдоль берега (мне их было жаль, им не ведомо настоящее счастье). Но за пределы берега вылетать я, или вернее моя душа не могла, видимо тело оставалось в море, и душа была при нем. День сменялся ночью, шторм- штилем, а я все летала. Мне нравилось моё состояние, и я не задумывалась над тем, как долго летаю.

– Налеталась? – этот вопрос вывел меня из блаженного состояния. Передо мной стоял или скорей висел образ богоподобного старца, такой, каким рисуют его иконописцы. Я немного знаю о подобных уловках, нам представляют его таким, каким он отпечатался в памяти из церковных догматов. Седой, в длинных одеждах, с нимбом на голове, добрыми глазами. Последнее меня насторожило, чтобы Бог был добрым? С чего это? Да и потом, откуда у Бога столько времени, чтобы предстать перед каждым смертным? Каждую секунду умирают люди, и как ему быть везде? Может и правда Он вездесущ?

– Сомневаешься в моих полномочиях? —

Конечно нет, скорей всего это посредник, так сказать, доверенное лицо.

– Понимаешь ты, какое преступление против Бога совершила? Какой грех взяла на душу?

– Причём тут Бог? – пыталась возразить я – это было моё решение, моё желание.

– Ты никто, и право на желания, а тем более на решение не имеешь. Один Бог решает когда и кому умереть. Кем ты себя возомнила вторгаясь в планы Бога? – глаза уже были не добрыми. Я поймала себя на мысли, что им управляли эмоции (во всяком случае мне так показалось), а значит, я могу его разозлить или разжалобить. Но зря я обольщалась, никакими чувствами Он не обладал, Он равнодушен и беспощаден (это я прочитала в его глазах), Он просто играет со мной, играет в людей.

– Каждый человек имеет право выбора – сказала я.

– Это вы так думаете. Ваши права весьма ограничены. Вам кажется, что вы стоите на вершущке пищевой цепочки, что в иерархии среди животных вы первые, только потому, что наделены чувствами и разумом? Так это ваше наказание. Разве ты никогда не хотела взлететь к небу как птица, плавать как рыба в бездонном океане, быть свободной на бескрайних равнинах?

В самом деле – думала я – есть вирусы, грибы, бактерии, которые едят нас, которые стоят выше нас. Что касается разума и чувств —опять прав. За это мы расплачивается стра-

даниями, болезнью, смертью.

– Тем не менее, я имею право определять свою жизнь, равно как и свою смерть.

– Право рождения определяет Всевышний. Право распоряжаться своей судьбой – сделать её яркой и интересной, или испоганить – твоё право, а вот смерть, как и рождение — приоритет Бога. По делам твоим и смерть. Либо она быстрая и лёгкая, либо длительна и мучительна.

– Поэтому я не стала ждать, когда Бог избавит меня от мучений, и почему я должна мучиться? И почему Бог допускает страдания, если он такой милосердный? —

– Сама как думаешь? —

У меня было своё мнение на этот счёт, но я промолчала, мой ответ вряд ли понравится ему. Он им не нравится, более того, он меня пугает. Я даже боюсь думать об этом, ибо, представшему передо мной не составит труда прочесть мои мысли. Но я решила не отступать, и ещё поспорить с ним. Вспомнилась «Пятая гора» Пауло Коэльо, где пророк Илия спорил с Богом, и кажется Бог был не против.

– Если у меня не было выбора при рождении, оставьте мне право на смерть. Меня никто не спрашивал: хочу ли я родиться? И мне не нужно разрешение на её завершение.

– Отчего же? Как раз твоё рождение было с твоего согласия. Точно так же ты его дашь и сейчас, сорок дней твоя душа летала, пора возвращаться на землю.

– Как, так быстро? Церковь говорит, что мы стоим в оче-

реди на право рождения, я готова подождать, или вовсе не рождаться. Должна же быть какая-то альтернатива?

– Альтернатива? Ты торгуешься со мной? Каждый, представший перед Нами, с благоговейным трепетом принимает дар рождения, дабы исправить свои ошибки и достойно предстать перед судом! —

Я молчала. Должно быть что то ещё, всему есть противоположность: да- нет, белое- чёрное, добро- зло, инь-ян, ад- рай.

– А рождение, это ад или рай? Наказание или награда? – и это я спросила вслух? Повисла пауза...

– Ты спрашивала про альтернативу, покой или забвение выбираешь?

Хрен редьки не слаще! Разве это не одно и тоже? Я вспомнила, „Мастер и Маргариту»». Когда к Волонду пришёл Левый Матвей и попросил его взять с собой Мастера, сказав при этом, что тот не заслужил, „Света,,, но заслужил покой. Я точно не заслужила света, может быть покой?

– Покой- сказала я. Последнее что я увидела, была ухмылка на его лице. Мелькнула мысль-, „Мастер и Маргарита,, всего лишь фантастический роман Булгакова, причём не законченный...

Сонмой

1

Я проснулся от оглушительного крика петуха, как будто этот петух кричал мне в ухо. Тяжело открыл глаза. Петух сидел на лавке возле моей головы, задрав вверх голову, неистово кукарекая. Я оглядел комнату. Первое что увидел — выкрашенный белой краской потолок, и такого же цвета стены, не богатая утварь, стол, лавка, маленькие окошки, скрипучие половицы и такие же двери. Это я определил по тому, как в комнату кто то вошёл.

– Проснулся? – надо мной склонилось улыбающееся лицо, такое знакомое и родное, но что то не давало мне вспомнить. – Ну как ты, брат? Отдохнул? Выглядишь не важно.

– Почему я ничего не помню?

– Не мудрено после вчерашнего! Вчера, в лавочке у сеньора Санчеса пьяный Альфонсо ударил тебя бутылкой по голове за то, что ты служишь у Томазо. Правда сегодня приходил извиняться. -

Я потянулся к голове, она была перебинтована и ужасно болела. Наверно поэтому ничего не помню. В комнату вошла молодая женщина, такая красивая и сияющая. Видимо взгляд мой был настолько красноречив, что Антонио, так

звали брата, поспешно объяснил, что это его жена и моя золовка. Я отвел взгляд, быть может я был влюблен в нее и скрывал это, чтобы не расстроить брата, ибо его я любил не меньше. В комнате появились старики, видимо наши родители. Они почему то кланялись и извинялись. Я недоуменно посмотрел на брата. Он махнул рукой, и они ушли.

– Тебе надо на службу. Инквизитор ждать не будет. Ты у нас учёный муж, один из не многих, кто обучен грамоте. Получаешь приличное жалованье, на то и живёшь.

– Где же я обучался грамоте? —

– В монастыре Сант-Пере-де- Родес в Каталонии.

– Ты сможешь мне добраться до места моей службы? —

– Да. Это в двух кварталах от нашего дома. Ты доходишь за 15 минут.— Мы вышли на солнцем залитую улицу. В воздухе царил смрад и аромат одновременно. Было шумно, мы проходили базарную площадь. Ругань, смех, выкрики торговцев, все вылилось в монотонный гул шумного города. На площади стояли виселицы, гильотина, помосты с не понятными сооружениями. Я глядел на все это с недоумением, как будто видел это впервые. Но память подсказывала мне, что я откуда то это знал. Кажется я начинал вспоминать. Испания, конец 15 века, правление Изабеллы Кастильской и Фердинандо Арагонского.

– Я доминиканский монах, участвующий на допросах и пытках в казематах Святой Инквизиции? – ужаснулся я, глядя на свои босые ноги.

– Нет – успокоил меня брат – ты получил хорошее образование и право работать в самом благопристойном месте – библиотеке. Ты переписываешь святыя писания, разбираешь почту его святейшества, выполняешь различные поручения. Пришли. Твоя дверь на право. Старайся меньше говорить и задавать вопросы, с твоей головой это не безопасно.

Я стоял перед величественным Костёлом, центральный вход располагался под сводчатой аркой. Я шагнул в тёмный коридор и тьма поглотила меня.

Очнулся уже дома. Память не вернулась ко мне. Я не помнил ничего, что произошло со мной под сводами этой арки. Передо мной на столе лежал документ, исписанный моим почерком с гербовой печатью: „Указ его Святейшества Торквемада, Великого Инквизитора Испании...“

Все четверо: Антонио, его жена и родители смотрели на меня глазами, полными ужаса. Я продолжал читать, „... признать виновной девицу Анну Ортис в колдовстве и ереси и уготовить ей смерть через сожжение сего дня на базарной площади и т.д., Я ждал объяснений.

– Анна – твоя невеста. И ужасно то, что ты принёс эту дурную весть в дом в день вашей помолвки. Сегодня её казнят, и мы не в силах помочь ей.

Все четверо кинулись плача и обнимая меня. Я был тронут, но не более. До меня как будто не доходило случившееся, или как будто речь шла о постороннем человеке. Я не испытывал ничего, кроме ужаса приговора живому существу.

Моя голова раскалывалась от тупой боли, все тело было ватным и не управляемым, как во сне.

Вечером площадь гудела от ожидаемой казни. Люди, кровожадные по своей природе пришли на это зрелище с детьми, стариками, животными. Звучал оживленный разговор, обсуждали казнь смакуя подробности. И я был частью этих людей, неотъемлемой частью. Все это было мне чуждо, не понятно, я плакал от жалости к себе, к этим людям, к не сбывшимся мечтам. Слезы капали на босые ноги. Почему я опять босой? Оглядел ноги окружающих, все были в сандалиях, а я босой. Надо бы спросить брата.

Под бой барабанов и молитвенные песнопения монахи вели рыжеволосую девушку к месту казни. Публика была в восторге, она рукоплескала и улюлюкала в предвкушении представления.

Девушку ввели на помост, привязали к кресту, обложили хворостом. Мне она не показалась знакомой, или я её просто не узнавал. Я всматривался в её лицо, пытаюсь угадать знакомые черты, ловил её взгляд, но все тщетно. У меня нигде не екнуло. Её взгляд скользил по толпе, мимолетно столкнулся с моим, и не более. Казалось, она искала кого-то другого. Наконец он остановился далеко за толпой, выше всех голов. Я оглянулся, но ничего не увидел. Может она искала Бога.

Языки пламени охватили хрупкую фигуру девушки. Её лицо ещё не тронуло адское пламя и оно не выражало ни-

чего, ровным счётом ничего. Оно было равнодушным и надменным. Это меня сильно удивило, неужели она не испытывала боли, она горела как свеча, медленно плавясь, не издавая ни единого звука. И это было странно. Толпа была разочарованна, она была обманута в своих ожиданиях. Мне тоже показалось, что все это больше похоже на спектакль, нежели на правду.

Утром с братом состоялся разговор. Я принял решение уйти из этого города подальше. Двинусь в Каталонию, ближе к морю, туда, где начинался мой жизненный путь. Я должен начать все сначала. И быть может, надо быть благодарным Альфонсо за то, что ударив меня по голове изменил ход моих мыслей. Хорошо что я ничего не помню, меня ничего не держит, я чистый лист бумаги без прошлого, а значит и сожалеть не о чем. Единственно о чем сожалел, так это о расставании с братом и его женой. Они стали мне ещё ближе. И это чувство распирало меня. Быть на службе у инквизиции показалось мне безнравственным, если не сказать преступным. Я стану паломником, странствующим монахом, несущим слово Бога, собирая по пути песни, рассказы, истории человеческих судеб. Воспевая их в своих песнях, слагая о них свои истории.

– Я горжусь тобой, брат! Удачи тебе- Антонио и его жена крепко обняли меня. А старики стояли в стороне кланяясь и извиняясь.

– Перед тобой много дорог брат, и какую бы ты не вы-

брал – ты уже победитель, ибо не побоялся перемен, повлекших тебя в путь!

Счастливый шёл я по тропе, поднимая босыми ногами дорожную пыль, щурясь от палящего солнца. Притомившись, раскинулся под тенью оливы и уснул...

2

Пробуждение моё было мучительным, ибо проснулся я от звука сигнализации сработавшей у кого-то во дворе. Этот звук вернул меня в реальность. На какую-то долю секунды я все же усомнился, где же грань между действительностью и сном? Почему я не хочу этого понимать, а тем более просыпаться?

– Брат вставай, труба зовёт! – Антон стаскивал с меня одеяло- Отключи сигнализацию, у тебя сработало.

– Если бы у меня. Ненавижу эту машину, работу и гребанного Михалыча.

– Заезженная пластинка.

Я посмотрел на Антона. Чувство нежности и теплоты меня накрыло с головой. Я все ещё жил сном, и мне трудно было от этого отказаться.

– Какой сон мне приснился... – мечтательно произнёс я- Я был в средневековой Испании, в сердце Кастилии, был писарем у главного инквизитора Томазо. Все настолько реально, что не могу отделаться от мысли, что я там жил, ну может быть в прошлой жизни. И ты был в моём сне, и твоя жена, ты не представляешь какая она! Красивая, любящая. В этом сне вы были самыми близкими мне людьми. Тебе надо жениться! У тебя должен быть удачный брак.

– Это у тебя есть девушка, с которой ты обещал познаком-

мать!

– Может в другой раз.– Я не испытывал к своей Анне прежних чувств, да и были ли они? Раньше я смотрел на наши отношения через призму юношеских иллюзий, а сейчас понял, что не этого я хотел, и не такая девушка мне нужна. Я как будто разом прозрел.

– Знаешь Антон, я уволюсь сегодня. Надоело пресмыкаться, подстраиваться, делать вид что меня все устраивает. Ненавижу эту работу, и больше не буду себя насиловать и приносить в жертву.

– Мы сами, причем добровольно, приносим себя в жертву, при этом испытывая садистское наслаждение от того, что мы это сделали, даже в ущерб себе. При этом гордимся собой и готовы на следующую жертву. Своего рода самобичевание, испытываешь боль и сомнительное удовлетворение. Вот только зачем и кому это нужно? Как только возникнет этот вопрос, найдётся и ответ.

– Он уже есть! Я буду писать. Это то, что я могу, хочу и на что учился, а водителем я буду только для себя и к черту Михалыча.

– Похоже твой сон не простой. Что ещё было в твоём сне?

– Я видел родителей, но как-то не ясно. Они не играли там существенной роли, во всяком случае не вызывали у меня эмоций, может потому что я их не помню. Они были жалкими и забытыми. Все время извинялись. Пора их простить.

Мы с братом воспитывались в детдоме. Антону было 11,

мне 5. Нет, нас не бросили родители, они погибли в шахте в одной геологоразведочной экспедиции. Так, как Антон был старше меня, все тяготы легли на его плечи. Смерть родителей принял как предательство, как личное оскорбление, до сих пор в его сердце живёт обида, это чувство передалось и мне, но в меньшей степени. Я мало что помнил.

– Собирайся! Опоздаешь!

– Опоздаю.– сказал я – Это первое что я сегодня сделаю.

– Боишься передумать?

– Нет. Ничто не заставит меня передумать. Опоздание – это первое удовольствие, которое я получу глядя на Михалыча.

– Я горжусь тобой брат! Удачи! – Где то я это уже слышал.– Ну а я на работу. Ты же не думаешь что я иду на не любимую работу?

Конечно нет. Брат пошёл по стопам родителей, стал геологоразведчиком. Не знаю что сыграло роль в его выборе, гены, любовь к романтике, вызов своим родителям или самому господу Богу. Но эта была победа, не жертва, а победа! И я гордился своим братом.

Опаздывал я уже на 5 минут, ехать через город ещё 25, итого опаздываю на пол часа. В машине разрывался телефон, механик звонил каждую минуту, названивали Михалыч и завгар. А я испытывал наслаждение стоя в пробке, в первые не раздражаясь и не матерясь. Я мысленно разыгрывал сцену своего увольнения. Как подъеду к гаражам, а там целая

толпа водителей, механиков, завгар и ошалелый Михалыч. Как молча выйду из машины не заглушив мотор, не вынимая ключи из замка зажигания (мне это показалось особым шиком), а ещё не закрыв за собой дверь скажу: «кажется на это место очередь образовалась, я готов уступить место очереднику прямо сейчас без отработки.»

Внутри меня все кипело. Я хотел быстрее добраться до места, пока пыл не остыл и не закрались сомнения, как это часто бывает, когда ты решился на что то важное, но какое то провидение вмешивается в последний момент и все меняет. Я готов был сражаться как лев, но стая гиен была сильнее меня. Это я почувствовал как только подъехал. Все накинулись на меня, не поинтересовавшись причиной моего опоздания. Мой план частично провалился. Я заглушил двигатель, хлопнул дверью и услышал бешенный рев Михалыча: „Уволить сукина сына сегодня же, без отработки и выходного пособия! Ключи! – заорал он и протянул руку. Мой звёздный выход ограничился тем, что я не отдал ключи, а в сердцах бросил их на капот и молча удалился.

А в принципе, все не так плохо. Цель достигнута, и не важно каким путём. Я даже выгляжу пострадавшей стороной, и возможно остывший Михалыч пожалеет о своей горячности и уволит без проволочек.

Я не жалел ни о чем. С моих плеч упал груз, та самая жертва, которую мы добровольно несем, ноем, жалуемся, но продолжаем нести, боясь потерять даже это.

Мой сон был знаковым, я как будто получил ответы на мучавшие меня вопросы. Возможно без брата и его жены, сон не показался таким правдоподобным, потому что чувствовал их поддержку в этом опасном приключении – сне.

Я шёл никуда не торопясь, свободный и счастливый, поднимая дорожную пыль носком ботинка. Одно не мог понять, почему во сне я был босой? Может со временем я и на это найду ответ, а пока надо спросить брата.

ПРИВЕТ С ПОРТРЕТА

Моё путешествие по Атлантике к берегам Южной Америки началось в канун 1862 года. Мои родители просили отложить экспедицию и встретить Рождество дома с семьёй. Но корабль, перевозивший эмигрантов а южную Америку отплывал именно теперь, а следующий рейс будет по мере комплектации судна пассажирами. Я член Королевского географического общества, и моё путешествие было направлено на исследование местности, жизни и быта племён Амазонии, а именно племени Ач-Ху, о котором я знал не понаслышке. Корабль класса клипер дал последний гудок и отправился в длительное плавание навстречу новым приключениям. В этой экспедиции я был один, не считая жены, об этом позже. Моя команда распалась по разным причинам. Первая экспедиция в сердце Анд унесла две жизни, мой близкий друг и соратник Пол женился и как молодожен наслаждался семейной жизнью, уехав в свадебное путешествие. Моя экспедиция предусматривала не только исследовательскую миссию, у меня был личный интерес, отчего я взял с собой жену, подвергая её опасности.

Наше первое путешествие с Полом и командой из трёх человек произошло год назад. Хорошо подготовленные, оснащённые по последнему слову техники Викторианской эпохи, мы, полные надежд и энтузиазма ступили на историческую

землю туземцев.

Джунгли сразу встретили нас не приветливо, с первой проблемой столкнулись как только стали искать проводника. Желающих заработать было много, рисковать- ни одного. Наконец нашли одного аборигена готового нам помочь. Но как только он получил аванс, тут же исчез в джунглях. Нам не оставалось ничего, как самим прокладывать дорогу. Я уже говорил, что мы были хорошо подготовлены как физически, так и теоретически. Вкус романтики ощущение молодого здорового тела влекло нас навстречу нового и не ведомого. Но джунгли диктуют свои правила и вносят свои коррективы. Мы были уже три дня в пути, и нас не покидало чувство что за нами следят. Мы осторожничали, прислушивались, принюхивались, опасность была везде. Ядовитые насекомые, растения, ползучие гады, хищники, туземцы, палящее солнце, тропический ливень и не известность. Чувство романтики сменилось сомнением и безысходностью. Все дни были похожи друг на друга. Шла вторая неделя, запасы были на исходе, настроение ухудшалось. Мы шли сверяясь с картой, по пути набрасывая свою собственную, это было частью нашей работы. Мы могли бы охотиться, но боялись выстрелами привлечь к себе внимание или напугать туземцев, хотя, мы здесь для того, чтобы вступить в контакт с ними. Но сами сознательно оттягивали время.

И вот оно настало. Как мы и предполагали, произошло это на рассвете, когда Морфей крепко овладел нашим со-

знанием и телом. Нас окружило племя туземцев. Выглядели они так, какими мы видели их на фотографиях и картинках. Воспользоваться оружием мы не успели, да это и не входило в наши планы. Но лишиться его- значит лишиться покоя. Мы подняли руки, пытаюсь изобразить на своих лицах дружелюбие. Нам повезло, нас не стали вязать как дичь к палкам, нам даже не связали рук. Мы пытались вступить в контакт, но никто испанского или португальского не знал. Шли мы ещё два дня, нас ни разу не покормили, да и сами индейцы ничего не ели.

Племя встретило нас громким улюлюканьем, или так они приветствовали вернувшихся воинов. Интерес к нам был неподдельный, вероятно они не видели ранее белого человека. Они обнюхивали нас, трогали руками, копались в нашем снаряжении, дергали за одежду. Стихли все только тогда, когда появился вождь. Его нельзя было не узнать по боевой раскраске, татуированному телу и осанистой походке. Во всем его облике чувствовалось величие. Взгляд его был пронзительным, и не обещал ничего хорошего. Он не сводил с нас глаз в течении всего разговора со своими воинами. Было не по себе, зная что говорят о тебе, но не понимаешь в каком подтексте. Вождь отдал последнее распоряжение и нас связали. Мы пытались криками и жестами привлечь к себе внимание, но видели только удаляющуюся спину вождя, как удаляющуюся надежду. Шанс упущен, наша участь была решена. Мы знали, что наше путешествие опасное меропри-

ятие, мы шли на этот риск осознано, каждый из нас готов был умереть, но только не такой нелепой смертью. Не только жажда странствий привела нас сюда, но и тщеславие. У нас был шанс прославиться, стать героем для своей страны и своей Королевы, а тут такой бесславный конец...

Наше отчаянное положение сменилось надеждой с появлением жреца. Этот не менее красочный персонаж чем вождь, произвёл на нас не однозначное впечатление. С одной стороны он имеет авторитет равный вождю, а с другой- связь с духами делает его сильней и ставит выше вождя. Человек, находящийся в нашем положении, готов рискнуть и довериться любому, кто даст хоть маленькую надежду на жизнь. Теперь мы зависели от мнения жреца. Во время ритуальной церемонии нас привели к костру, скованных страхом и веревками. Закончив обряд, шаман что то трижды прокричал и нас увели к нашему месту пребывания под деревом, развязав руки и накормив. Это был хороший знак. Как то все расступились, ушли по своим делам, как будто разом потеряли к нам интерес. Мы в свою очередь всячески пытались выказать своё дружелюбие, старались вести себя достойно, чтобы не спровоцировать туземцев

Так прошёл месяц. Мы не собирались бежать, и племя это поняло. С нами стали общаться, мы изучали их язык, он был не сложен. Слова были короткие и отрывистые. Весь язык был основан на противоположности понятий и воспроизведений. Если да- было су, то нет- ус, воин- ач, враг-

ча и т. д. За пол года, что пробыли в племени, мы научились понимать и говорить на их языке. Ач-ху – в переводе: ач- воины, ху- бог. Это были воины бога. Они были не высокого роста, коренастые, верхняя часть тела татуирована, нижняя прикрыта юбками из листьев и перьев, как у мужчин, так и у женщин. Множество бус и браслетов из костей, зубов, меха и кожи украшали запястья. Спали на шкурах, ими же и укрывались. Жилище представляло из себя хижину из пальмовых листьев и веток, обтянутых кожей. Таких хижин в деревне было более двадцати. Сложилось мнение, что племя не были кочевниками, они вели оседлый образ жизни, занимаясь земледелием, охотой, рыболовством, собирательством. К нам относились хорошо. Позже мы узнали почему.

Как и предполагали, спасательную роль сыграл жрец, который увидел в нашем присутствии некое знамение, какое-то нам не сказали. Мы убедили туземцев, что не представляем для них угрозы, рассказали о целях экспедиции. Они охотно нам помогали, брали с собой на охоту, учили самобытным промыслам, обработке кожи, искусству татуировки, уходу за своей внешностью. Этому ритуалу отводилось особое место. Как мужчины, так и женщины часами украшали и раскрашивали себя. Мы тоже приобщились к этой процедуре если шли на охоту. Это своего рода оберег, чтобы охота была удачной. Можно сказать, что мы были вхожи во все двери, кроме одной, нам было запрещено присутствовать на ритуальных обрядах. Это своего рода таинство проходило, при

закрытых дверях,,. Жрец впал в транс и общался с богами. Приносились жертвы, как правило- коза. Возле костра собиралось племя и в безумном танце, под бой мангуаре просили о милости богов, и боги, как не странно их слышали. Так мы были свидетелями,, чуда,,. У дочери вождя не было детей, и после такого обряда она забеременела. И тогда у меня родилась безумная мысль- привезти сюда жену, в браке с которой мы семь лет, и семь лет лучшие врачи Англии оказывались бессильны в лечении бесплодия.

Эленор, которую я любил больше жизни, бредила мечтой о ребенке, впадая каждый раз в депрессию после безрезультатного лечения. Чтобы не видеть её страданий (жалкий трус),я сознательно уезжал из дома подальше, как в этот раз, когда собирали экспедицию в Южную Америку, я не раздумывал, страсть к риску и приключениям взяла верх над благоразумием и долгом. Теперь мне хотелось все исправить, дать жене надежду и свою поддержку, развеять её страхи и отвлечь дальним путешествием от мрачных мыслей. Я не знал ещё как я это сделаю, но был одержим этой идеей.

Жрец не разделял моей радости, и не торопился с ответом. Мне казалось, что я был убедителен, но он все оттягивал время, ссылаясь на богов, которые молчали. Месяц прошёл в ожидании, пять- с тех пор, как мы пребывали в племени Ач- Ху. Наконец жрец призвал меня:,,Все имеет свою цену.,,
– Я готов заплатить любую сумму.– сказал я
– Деньги- ничто, только жизнь имеет цену. Готов ты риск-

нуть?

– Чем? Собственной жизнью?

– Я так не сказал. Я не знаю что потребуют боги за свои услуги, но ты должен будешь чем то жертвовать.

Я задумался. В племени никогда не приносились человеческие жертвы, это я знал наверняка. Что же могли потребовать боги? Обычно, кроме жертвенного животного подносились и другие дары- фрукты, табак, молоко. Я готов был отдать отару овец и табун лошадей в придачу, я принял решение и стал собираться в дорогу. С не большим отрядом туземцев, мы с Полом выдвинулись в джунгли. В племени остались три наших соплеменника, которые продолжали исследовательскую миссию, а мы с отчетом о проделанной работе вернулись в Англию.

Эленор, как я и ожидал, пришла в полный восторг о предстоящем путешествии, она собирала вещи, без умолку щебетала, строила планы, торопила время. На отчёты и сборы у нас ушли ещё пол года. За это время в джунглях от малярии скончались два наших товарища. В племени остался один Нил, ждущий моего возвращения. Пол женился и остался в Англии.

И вот мы на быстроходном парусном судне, „Мимоза“, вышли в Атлантический океан. Эленор была счастлива не смотря на морскую болезнь и длительность путешествия. Её влекло неизведанное, как и меня, и надежда. Если я ещё сомневался в правильности своих действий, то Эленор была на-

строена решительно.

В джунглях нас встречали и сопровождали туземцы из племени Ач-Ху, что гарантировало нам безопасность, к тому же мы шли коротким путём, который был нам неведом в первом путешествии. За четыре дня мы дошли до деревни. Нас встретили громко и радостно. Приятно было осознавать что нас ждали, нам с Эленор выделили отдельную хижину. Мы в свою очередь одарили туземцев необходимыми вещами, привезёнными из Англии.

Постепенно быт налаживался. Когда я был занят, Эленор проводила время с женщинами племени, обмениваясь опытом, помогая по хозяйству. Мы с Нилом выполняли свою работу, вели записи, составляли карту местности, знакомились с соседними племенами. За полгода, что мы не виделись, Нил стал настоящим аборигеном. Загорелый, татуированный, с выгоревшими на солнце волосами, статный и красивый, он был больше похож на бога, сошедшего с Олимпа, нежели на воина.

Время шло, а жрец все молчал. Торопить его было не целесообразно, и я терпеливо ждал.

Наконец настал день, когда шаман позвал меня: – Сегодня проведем ритуал, боги благосклонны. Принесем в жертву животное, ты же должен пожертвовать богам самую дорогую твоему сердцу вещь.

Я машинально коснулся груди. На шее у меня висел медальон с фотографией моей сестры. Это самое дорогое что

у меня осталось от неё. С Элис, так звали сестру, нас связывали не только родственные отношения, мы были близки настолько, насколько могут быть близки близнецы. Умерла она молодой, в двадцать четыре года от туберкулеза у меня на руках. Умирая, вложила мне в руку медальон: – Не расставайся с ним, я буду присматривать за тобой оттуда.

Я поклялся себе, что ничто не заставит меня отказаться от него, тем более добровольно. Это был мой талисман, моя вечная память о любимой сестре, предать которую я не в силах.

У меня есть прекрасный кинжал из дамасской стали, инкрустированный драгоценными камнями, его я и отдам, чем не царский подарок.

Наконец нас с Эленор, одетых по местному обычаю, подвели к разведенному костру. Языки пламени вырывались в небо, прямо к звёздам. Зрелище было ярким, самобытным. Под звуки барабана и песни шамана, аборигены исполняли свои мифические танцы. Это волновало и тревожило, завораживало и затягивало как омут, водоворот которого кружил голову и заставлял биться сердце в унисон с мангуаре. Я был плохим католиком, равно как и атеистом, но здесь, находясь среди людей племени- проникся их духом, их магнетизмом.

Обряд прошёл успешно, так сказал шаман. Боги приняли наши дары, оставалось ждать. Чудо случилось спустя два месяца. Я даже не удивился, настолько верил в силу ритуала и людей, совершивших его. Одно условие было- Эленор

должна родить здесь, находясь под защитой племени и богов. Мы согласились с этим условием, поскольку все шло как нельзя лучше. В племени рождались дети, и редкий случай, если кто то умирал из них.

И вот настал момент рождения чуда. Пока женщины суе- тились вокруг роженицы, помогая родам, старейшины пле- мени совершили священнодействующий обряд вокруг кост- ра- это должно помочь благополучным родам. Наконец раз- дался плач ребёнка, и я счастливый ринулся к хижине, но ме- ня остановили женщины. Что то пошло не так, тревога за- крылась в сердце. Но тут неожиданно раздался ещё один плач. Эти два голоса звучали как песня в моей душе. После стольких лет ожидания- такая награда! О боги, велика сила ваша! По обычаю Ач- ху, новорожденных детей не дают сра- зу матери, женщины проводят свой ритуал очищения, отец тоже может увидеть дитя после обряда, но мне сделали ис- ключение. Я увидел своих детей; крохотных мальчика и де- вочку. Я был на седьмом небе от счастья! Пока жрец не при- звал меня...

Радостный я бежал к нему, готовый излить свою благодар- ность. Движением руки он остановил меня: „Боги дали тебе двух детей для того, чтобы отнять одного из них, ты чужезе- мец и не чтить наших законов, ты не выполнил своего обе- щания, не отдал им самое ценное что у тебя есть. А теперь они сами возьмут то, что считают достойным себя. Но они оставили выбор тебе, с кем из своих детей готов расстаться?..

Я стоял сражённый его речью, не мог поверить в услышанное. Племя, которое я считал своей семьёй, требует жертву! Я стоял столбом и с трудом верил в происходящее. Позже шаман объяснит мне и я проанализирую ситуацию, но это будет потом, а пока мой мозг отказывался что то понимать, а тем более принимать решение. Да и какое решение я должен принять? В пользу кого оно должно быть? Почему меня ставят перед таким жестоким выбором? Минуту назад я готов был петь оду богам, а теперь я не знал на кого вылить свой гнев, кого обвинить в чудовищном преступлении? Я упал на колени, осознавая своё бессилие и свою вину. Шаман торопил. Ребёнок не должен знать материнской груди, таким образом он лишается её защиты и становится уязвимым, и тогда боги принимают его в свою обитель под своё покровительство.

Что за бред! Почему я, цивилизованный человек стою и все это слушаю? При этом я понимал, они сделают это с моего согласия или без, они не станут подвергать опасности племя в угоду чужеземца.

– Сделайте это сами. Только не говорите Эленор, это убьёт её.

Эленор сказали что дочь не выжила. Дочь! Кто б сомневался? Они оставили воина. Я долго не мог подойти к Эленор, я просто не владел собой, как мне смотреть ей в глаза? А она все звала меня, и я понимал, что нужен ей как некогда. Я должен разделить с ней горе, но моё горе помутнило

мне разум, и никто его со мной не разделит. Я сидел рядом с женой, охваченный ужасом, устремив взгляд на вход в хижину, быть может сейчас, в этот момент мою дочь приносят в жертву.

Когда все стихло, и аборигены разошлись по своим домам, я вышел из хижины и побрел в джунгли к догорающему костру. Я не собирался искать следы ритуального убийства. Подойдя к костру, я сорвал цепочку с портретом со своей шеи и швырнул её в огонь.

– Это ты хотел, ненасытный, кровожадный бог? Сестра, дочь, кто следующий? Чья жизнь тебе ещё нужна? Может моя? Так возьми её, зачем она мне теперь.

Огонь потрескивал, то затухая, то разгораясь, как будто говорил со мной. За этим адским пламенем находился тот, кому я посвящал свою тираду. Я чувствовал его присутствие, его дыхание, его превосходство и своё ничтожество. И тут я разрыдался не сдерживая более себя, казалось, джунгли плакали вместе со мной, проливая слёзы в виде дождя. Не шевелясь, просидел я до рассвета.

Деревня просыпалась, и я очнулся от своих грез, чувствуя в себе перемены. Какие? Я ещё не знал, но твёрдо знал, что они произошли. Эленор прижимала малыша к груди, я зашёл поздороваться. Несмотря ни на что, она была счастлива, её мечта осуществилась и ей не обязательно знать какой ценой. Она протянула мне сына. Я инстинктивно отдернул руки, как будто получил ожог. Почему ему дарована жизнь,

а не ей? Этим вопросом я буду задаваться вечно, равно, как если бы было наоборот. Здесь не может быть правильного ответа. И мне бы смириться с этим, не мучать себя и не доводить до исступления. Но анализируя, спрашиваю себя: как мог произойти такой не равноценный обмен? Я пожертвовал жизнью дочери ради памяти мертвого, хоть и близкого человека. Как мог забыть простую истину: мертвое – мертвому, живое – живому. И кого я пытался обмануть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.